

„Новое время“, г. С. Петербург. 1910 г. 11 февраля.

В. Ф. Комисаржевская.

«Когда я думаю о своем призвании, я не боюсь жизни...»

Эти слова из чеховской «Чайки» написала Комисаржевская для моей первой книжки—книжки о ней... И вот сейчас, совершенно растерянный внезапным известием по телефону из редакции: «Умерла Комисаржевская, напишите некролог», я не нахожу никаких воспоминаний, кроме воспоминаний именно из этой маленькой, забытой книжки о нашей любимой артисткѣ, изданной начинающимъ, неизвестнымъ журналистомъ въ ее первый бенефисъ.

Это было «до Станиславскаго», до «настроеній», до Чехова, въ дни благонастроеннаго, казеннаго репертуара, когда из провинціи пришла худенькая, тѣлесушная актриса, дочь известнаго пѣвца, пришла «принцессою кочующей и бѣдной», безъ друзей, безъ рекламъ, «безприданницей» для жениховъ дорогаго партера и миллионершей для насъ, скромныхъ абонентовъ Александринки. Принцеса! У нея въ душѣ былъ большой ларецъ съ драгоценнымъ талантомъ. И она открыла намъ этотъ ларецъ...

— Это—бриллиантъ, это—нѣжный, душистый персикъ!—говорила про Комисаржевскую Савина. — Ее нужно показать и спрятать въ тепло, въ вату...

Савина была права. Буря погубила Комисаржевскую, нашу милую, незабвенную Чайку!..

Комисаржевская — блестящая комета, пролетѣвшая надъ русской сценой. Начала поздно, кончила рано. Из провинціи пришла, въ провинцію ушла. И вотъ гдѣ-то въ Ташкентѣ разыгралась драма, которую она такъ часто и такъ разнo изображала на сценѣ. Эта трагедія называется смертью. Она играла ее много разъ, много разъ умирала, но не приучила насъ къ своей смерти, такой неожиданной, такой горькой...

Комисаржевская — драма русской драмы. Она въ жизни своей, въ сценической жизни, показала, какъ труденъ, какъ опасенъ подвигъ русской актрисы. У нея былъ театр, за который ее прозвали «зеленой», думая, что это остроумно, и когда пишущій эти строки сказалъ, что ея Гадда Таблери замѣчательна своей строгой и честной оригинальностью—именно честной!—то на него посыпались обви-

ненія въ пристрастности... Но пристрастничать было не къ чему... Разыгрывалась драма въ драмѣ... Былъ созданъ театръ исканій въ сферы исканій, въ тяжелую политическую пору, въ скудный литературный недородъ, съ Мейерхольдомъ и съ прочими маскированными недородами.

— Что сдѣлалось съ Комисаржевской?—спрашивали ее друзья.

Съ Комисаржевской, какъ съ актрисой, ничего не сдѣлалось. Она была талантомъ и осталась имъ до смерти. Но ее «смутили». На Олову арфу опрокинули большой ушатъ мутной, недородной жижи. Потомъ, какъ минувала въ ней таковая «общественная надобность», ее отпустили, отпустили со всѣми третейскими судами, процесами, описями, со всею газетной шумихой, и позволили умереть гдѣ-то въ Ташкентѣ. Бѣдная, прекрасная русская актриса! Ею будетъ гордиться нашъ театр, не богатый талантами. Его судьба—судьба Комисаржевской. Онъ—тоже кочующій, ищущій, описанный больше судебными приставами, чѣмъ историками, случайный, невѣдомо откуда пришедшій, невѣдомо гдѣ кончающійся...

Женскіе образы, созданные Комисаржевской, дѣлан веренища, дѣлый хороводъ нѣжныхъ образовъ, склоняется надъ ея гробомъ и благодарно роняетъ слезы на холодное тѣло актрисы... Вотъ Ларисса, Роза, Клерхенъ, Анхенъ, Фантина—все это блѣдно отпечатанныя въ первой книжкѣ моей видѣнія нашихъ театралныхъ увлеченій, но такія свѣтлыя, такія незабвенныя!..

Комисаржевская, повторяю,—драма русской драмы. Слезы набѣгаютъ на глаза, когда представляешь ее, когда пишешь о ней... Тамъ, гдѣ-то въ провинціи, погубилось это хрупкое, нѣжное дарованіе. Тяжелый недугъ подточилъ мятежную жизнь. Бѣдная, прекрасная русская актриса! Ей, ея свѣтлой, мученической памяти, всѣ нѣжные чувства, всѣ нѣжныя, набѣгающія слова, всѣ искреннія, обильныя слезы...

Юр. Вильевъ.